
Глава вторая

ПЛАНЫ ВОЙНЫ

РАЗРАБОТКА ПЛАНОВ ВОЙНЫ

Опубликованные за границей и у нас военно-исторические труды, посвященные подготовке мировой войны, позволяют установить процесс выработки генеральными штабами «планов войны» в том смысле, который в настоящее время вкладывается в *план операций*. План войны в современном понимании представляется программой деятельности всего государства на известный период лет для защиты с оружием в руках своих жизненных интересов и прежде всего своей независимости. План войны охватывает все элементы подготовки к ней, обеспечивающие достижение ее целей путем применения вооруженных сил, подкрепленных всеми благоприятствующими экономическими и политическими мероприятиями. В таком смысле плана войны не существовало к 1914 г. ни в одном государстве. Однако, во Франции и особенно в Англии подготовка к войне в широком государственном масштабе начата была с момента образования высших органов по обороне страны: во Франции — Высшего совета государственной обороны в 1906 г. и в Англии — Имперского комитета обороны в 1911 г. Этими советами был проведен ряд мероприятий, идейно подсказанных определенным планом войны. Наиболее разработанный план операций принадлежал Германии и охватывал наметку ее исходных военных операций. К экономическому плану будущей войны в Германии приступлено было лишь в 1913 г.

Начало стратегической подготовки войны 1914—1918 гг. может быть отнесено к 1871 г. Уже в апреле 1871 г. фельдмаршал Мольтке в своем очередном мемуаре писал, что «опаснейшим испытанием для существования молодой Германской

империи была бы одновременная война ее с Россией и Францией, и так как возможность такой комбинации не может быть исключена, то следует заблаговременно принять в расчет средства для обороны в таких условиях». С этого момента и вплоть до 1914 г., в течение 44 лет, в Большом генеральном штабе в Берлине велась разработка плана войны на два фронта, в конечном счете ясно установившая основную идею операций против Франции и России, четкое распределение всех германских сил и характер первоначальных военных действий.

С заключением в октябре 1879 г. союза с Австро-Венгрией начальник германского Генерального штаба устанавливал роль австро-венгерских вооруженных сил при совместной борьбе обоих союзников против Франции и России. С присоединением Италии к Центральному союзу в 1882 г. в Берлине учитывалось использование итальянских сил для военных целей Тройственного союза, но участию итальянской армии никогда не придавалось первостепенного значения вследствие ясно сознававшейся в Берлине шаткости военно-политических связей между Италией и Австро-Венгрией.

Зато экономическое порабощение Турции, особенно после прибытия в Константинополь германской миссии Лимана фон-Сандерса, делало ее послушным орудием в руках Германии¹, а положение вещей на Балканском полуострове делало для германской дипломатии небезосновательным расчет на возможность привлечения на свою сторону Румынии и Болгарии и объединения, таким образом, в один сплошной фронт всей средней Европы от Северного до Средиземного моря.

Два упрека относительно стратегической подготовки к войне обычно ставятся Союзу центральных государств: отсутствие писаной военной конвенции между ними, которая жестко определяла бы взаимные оперативные обязательства контрагентов союза, и умолчание об объединенном руковод-

¹ Германская миссия Лимана фон-Сандерса прибыла в Константинополь 13/XI 1913 г. после телеграммы германского посла в Константинополе фон-Вангерхейма от 15/VI 1913 г. следующего содержания: «Исходя из убеждения, что политика Германии искренно и серьезно стремится к укреплению Азиатской Турции, великий визирь просит меня передать е. в. императору просьбу прислать в качестве руководителя турецкой армии германского генерала». *Liman von Sanders, Fünf Jahre in Türkei*, Berlin, S. 9.

стве союзными силами, особенно ввиду территориальной неразделенности государств союза, дававшей право считать их территорию единым театром войны. Однако, первый упрек отчасти отвергается на основании статьи 1 союзного договора между Германией и Австро-Венгрией, по которой обе державы обязывались помогать друг другу всеми своими вооруженными силами при нападении России на одну из них. Отсутствие более конкретных оперативных обязательств между обеими армиями объясняется политическими причинами. Германский Генеральный штаб не желал заранее открывать своих карт союзнику, военную ценность которого он расценивал невысоко. Нужно было считаться и с формальным участием Италии в союзе. Вместе с тем Германия опасалась оказаться на буксире у австрийской дипломатии, политика которой в течение 35-летнего существования союза не раз стремилась спровоцировать войну ради сепаратных интересов лоскутной империи. Политика мешала также установлению единого верховного командования. Оба начальника генеральных штабов постоянным личным общением устраняли надобность в документе, который мог вредно отразиться на свободе действий обеих армий в обстановке действительной войны. Вопрос о едином союзном командовании, как свидетельствует опыт всех коалиционных войн, в том числе и мировой, не может быть разрешен удовлетворительно, так как затрагивает основные права верховной власти каждого государства, участвующего в союзе. Единое союзное главнокомандование к концу мировой войны формально было достигнуто на обеих сторонах, но по существу оно оставалось только деликатным компромиссом, опиравшимся лишь на добровольное согласие союзных правительств.

На другой стороне, у французов и у русских, дело с планом войны формально обстояло лучше, но по ясности руководящей идеи, по смелости ее проведения в жизнь и по четкости союзнического взаимодействия их план значительно уступал германскому. Если можно миновать более или менее случайные эпизоды франко-русского сближения в 1875 и в 1878 гг., то возникновение Союза центральных держав надо считать окончательным толчком, который побудил французское и русское правительства одновременно пойти навстречу друг другу для заключения, в противовес Центральному союзу, в августе 1891 г. союзного договора, а через год — военной конвенции, подписанной, по уполномочию правительств,

генералами Буадефром и Обручевым¹ и окончательно ратифицированной в январе 1894 г.

Оба правительства обязывались в случае нападения на одно из их государств выступить всеми силами против врага, причем статьей 3 конвенции определялось выставление против Германии со стороны Франции 1 300 000 человек, а со стороны России — от 700 000 до 800 000 человек с целью заставить Германию вести борьбу одновременно на востоке и на западе. По статье 4 генеральные штабы обеих держав должны были находиться в постоянных между собой сношениях для практического осуществления указанного выше обязательства. Во время последнего совещания обоих начальников генеральных штабов (1913 г.) Жоффр особым протоколом изменил в конвенции цифру выставляемых Францией сил до 1 500 000 человек, с указанием срока их мобилизации на 10-й день и начала наступления на 11-й день, взамен чего Жилинский (начальник русского Генерального штаба) заявил о выставлении большей части из обещанных 800 000 человек к 15-му дню на германской границе и о немедленном их наступлении на территорию Германии. На основании периодически дополнявших военную конвенцию протоколов совещаний французский Генеральный штаб оказывал веское влияние на русское железнодорожное строительство, причем правительство Франции охотно предоставляло денежные капиталы для развития в желаемом для Франции смысле русской железнодорожной сети.

Итак, на одной стороне задолго до войны существовала писанная военная конвенция и в дополнение к ней периодические совещания начальников генеральных штабов, закреплявшиеся протоколами. На другой стороне не было конвенции и зафиксированных на бумаге стратегических постановлений. Преимущества оказались на последней стороне, так как именно русский план операций, скованный формальными требованиями конвенции, вызвал, как будет видно дальше, непоправимые ошибки в исходных операциях русской армии.

В дополнение к военной конвенции в 1912 г. была заключена в Париже франко-русская морская конвенция, которой устанавливалось распределение задач обоих союзных флотов

¹ Генерал Буадефр был в это время помощником начальника французского Главного (генерального) штаба, а генерал Обручев был начальником русского Главного штаба.

и обеспечение ими, с учетом также и британского флота, господства Антанты на европейских морях.

Что касается Англии, то участие ее в военном выступлении держав Согласия не было, по принципам британской политики, оформлено предварительными обязательствами и ограничивалось в последние годы перед войной официозными совещаниями начальников французского, британского и бельгийского генеральных штабов.

Еще менее точно были координированы стратегические намерения морских сил держав Антанты. Среди них господствующую роль бесспорно занимал сильнейший флот Англии. В 1912 г. британское и французское правительства подписали, однако, два секретных документа. Один касался распределения морских сил обеих держав: французский флот в случае войны сосредоточивался в Средиземном море, а охрана Ламанша и Атлантического побережья Франции возлагалась на британский флот. Другим письменным соглашением оба правительства обязывались при неизбежности европейской войны подписать военную и морскую конвенцию, заранее выработанные французским и английским генеральными штабами. Проще говоря, с приближением войны автоматически вступали в силу означенные конвенции, как это и произошло в действительности в августе 1914 г. Накануне самой войны, в мае и июне 1914 г., все три правительства Антанты намеревались заключить общую военно-морскую конвенцию относительно распределения союзных флотов и вытекающих из него оперативных задач. Ввиду существовавшего уже по этому вопросу соглашения между Францией и Англией оставалось тот же вопрос урегулировать между Англией и Россией. Переговоры между обоими правительствами о заключении морской конвенции были прерваны наступившей войной.

Прежде чем перейти к изложению планов операций обеих сторон в мировую войну, необходимо предпослать этому изложению краткую оценку местности тех театров войны, на которых эти операции развивались.

ТЕАТРЫ ВОЙНЫ

Театрами мировой войны, с которыми связаны были первоначальные планы сторон, являлись:

1) На западе Европы — сначала вся полоса местности вдоль границы Германии с Бельгией и Францией, а затем вся северо-восточная часть Франции; этот называемый в литературе

Западноевропейским театр войны мы в дальнейшем изложении для краткости будем называть французским.

2) На востоке Европы — сначала, в маневренный период войны, вся полоса местности вдоль границы России с Германией и Австро-Венгрией, а затем преимущественно вся западнограницная полоса России; этот называемый в литературе Восточноевропейским театр войны мы в дальнейшем, по той же причине, будем называть русским.

3) На юге Европы — сначала вся полоса местности вдоль границы Австро-Венгрии с Сербией, затем вся территория последней, а потом и весь Балканский полуостров; этот театр войны мы будем называть балканским.

Западноевропейский (французский) театр войны

(Схема 3)

Западноевропейский театр войны тянулся между Северным морем и Швейцарией. На этом протяжении в 700 км территория Франции соприкасалась с Бельгией от моря до Лонгви на 400 км с лишком, а на франко-германскую границу приходилось около 300 км. В пределы театра военных действий вошли вся Бельгия и северо-восточная Франция, до линии: устье р. Сены—Бельфор—Базель.

По рельефу вся означенная территория разделялась на два разных района: северо-западный—равнинный, включающий в себя Бельгию к западу от р. Мааса и северную часть Франции между морем и р. Уазой; вся остальная часть театра—юго-восточный район—возвышенная, частью даже гористая.

Северо-западный район по характеру местности и по обилию дорог позволяет свободное маневрирование крупных войсковых масс, кроме низменных участков по рр. Шельде, Лис и Самбре с изрядным числом болот, перерезанных каналами. Эти участки представляли выгоды только при обороне, когда можно было легко устраивать искусственные наводнения.

Юго-восточный район включает систему трех горных групп вдоль границ, отбрасывающих от себя ряд отрогов в глубь французской территории. Северная группа—Арденны—заполняет пространство по обоим берегам р. Мааса, между верховьями р. Уазы и северной границей Люксембурга. Арденны не представляют ясно выраженного горного хребта. Это—группа плоских возвышенностей, прорезаемых течением р. Мааса. К западу от реки эти возвышенности не превосхо-

дят 350 м над уровнем моря, а к востоку, близ бельгийско-германской границы, достигают вдвое большей высоты.

На линии Ретель — Монмеди Арденны увязываются с другой горной группой — Аргоннами, которая в виде двух узких лесистых параллельных цепей заполняет пространство между р. Маасом и верхним течением р. Эн. Обе цепи Аргонн имеют резко обозначенный характер горных хребтов и представляют значительные затруднения для войск на путях из Лотарингии к г. Реймсу. Но высота этих гор лишь в окрестностях Бар-ле-Дюка достигает 400 м.

Третья горная группа — хребет Вогезских гор вдоль границы Эльзаса. Это наиболее высокий и трудно одолимый хребет, являющийся как бы барьером для обеих сторон на путях вторжения через него крупных масс. Его прорезали только две сквозные железные дороги, и то в его наиболее низком северном участке. Вогезы повышаются с севера на юг и достигают наибольшей высоты в своей южной оконечности, где высшие точки хребта имеют высоту до 1500 м.

Из водных рубежей театра наиболее значительными являются: р. Рейн, ограничивающая этот театр с северо-востока, с его левыми притоками рр. Мозелем с Мертой и Сааром и Маасом с Самброй; р. Сена, ограничивающая этот театр с юго-запада, с ее правыми притоками рр. Марной (с Большим и Малым Морэнами и Урком) и Уазой, Эном и Велем, и впадающая в море р. Шельда (Эско) с притоками рр. Лис, Изер и Сомма. Все эти реки и соединяющие их многочисленные каналы приобретали характер трудно одолимых преград лишь на тех участках, где они были усилены укреплениями или снабжены сооружениями для устройства наводнений. Во всех же других местах они имели лишь значение тактических рубежей, на которых и разыгрались наиболее значительные операции, получившие свое название по названию этих рек.

Поскольку государственная граница между участвовавшими на Западноевропейском театре государствами не всегда совпадала с солидными естественными рубежами, обе стороны уделяли значительное внимание укреплению естественных рубежей в ближайшем тылу от границ. Со стороны Германии таким рубежом являлся широкий Рейн, на котором были сооружены крепости Страсбург и Кельн, Гермерсгейм, Майнц, Кобленц и Везель. У самой границы, на Мозеле были крепости Мец и Тионвиль (Диденгофен) и укрепления у Саарлуи. На границе же с Бельгией для прикрытия обходных

путей через Бельгию к Нижнему Рейну был укрепленный лагерь у Мальмеди. Со стороны Франции таким ближайшим (в двух переходах) к германской границе и важнейшим укрепленным рубежом являлись: верховья рр. Мозеля и Мааса, на которых были построены четыре крепости и до 20 более или менее значительных укреплений, составлявшие в совокупности два укрепленных района: Бельфор, Эпиналь — 80 км по фронту, и Туль, Верден — 80 км по фронту. За указанными укрепленными районами 1-й линии находились укрепления 2-й линии, состоящие из укрепленной позиции у Дижона и Лангра и укрепленных районов — Реймса, Лаона, Ля-Фера. Центральным редутом всей этой укрепленной системы служил укрепленный лагерь Парижа. Что же касается системы укреплений на участке границы Франции с Бельгией, т. е. от Монмеди до моря, то в связи с усовершенствованием крепостной техники, выдвинувшей в 80-х годах XIX столетия бетон и бронированные башни и потребовавшей огромных затрат, от первоначально задуманной обширной системы укреплений на этой границе было решено отказаться. Были оставлены лишь Монмеди и Мобеж, а крепость Лилль была намечена к упразднению. Со стороны моря этот театр был прикрыт крепостями Дюнкерк, Кале, Булонь.

Что касается Бельгии, то правящие классы, которые вполне сознавали всю иллюзорность «вечного» нейтралитета своей страны, хотя бы и гарантированного европейскими державами, ясно понимали, что в случае войны между Германией и Францией Бельгия неминуемо подвергнется вторжению германских армий, поэтому по мысли известного бельгийского инженера генерала Бриальмона в 1890—1892 гг. были предприняты меры по укреплению рубежа р. Мааса крепостями Намюр и Льежем, а Антверпен был превращен в обширную крепость-лагерь.

Сооружение французских восточных крепостей отражало систему обороны Франции после франко-прусской войны 1870—1871 гг. против нового германского вторжения. Франция по намеченному в 1874 г. генералом Сера де-Ривьером плану принялась за укрепление своей новой границы для прикрытия мобилизации и сосредоточения армии с целью остановить противника и собрать все силы на борьбу с его армиями, пользуясь линией крепостей.

Руководящая идея укрепления этой новой границы заключалась в том, чтобы занять важнейшие узлы сообщений силь-

ными крепостями с фортовым обводом и направить вторжение германских армий к свободным промежуткам между крепостями, расположив эти промежутки или в системе огня крепостей и фортов застав, или на трудно проходимой местности. Таких открытых промежутков было оставлено два: один шириной в 60 км между крепостями Эпиналь и Туль, так называемый Шармский проход, и другой шириной в 35 км между крепостями Верден и Монмеди.

Вся система укреплений на восточной границе Франции и Бельгии оказала прямое влияние на выработку плана первоначальных операций обеих сторон, который в свою очередь исходил из ближайших конкретных целей войны.

Восточноевропейский (русский) театр войны

(Схема 4)

Весь маневренный период мировой войны на русском европейском театре разыгрался преимущественно на территории западной пограничной полосы бывшей Российской империи и сопредельных провинций Восточной Пруссии, Западной и Восточной Галиции.

В отношении подготовки театра к войне, стратегического развертывания и первоначальных планов имело первенствующее значение очертание государственной границы между воюющими странами; в данном случае эта граница приобретала еще особое значение ввиду большого различия между Россией и Австро-Венгрией и Германией — особенно в отношении путей сообщения и инженерной подготовки.

Государственная граница между воюющими странами представляла много оригинального. Являясь результатом тех политико-экономических отношений, которые сложились ко времени Венского конгресса (1815 г.), она совершенно не преследовала стратегических целей, а исключительно политические, в виде образования под скипетром русских монархов Царства Польского с вознаграждением Австро-Венгрии галицкими областями с более родным России по крови населением, чем Польша, и с оставлением Пруссии ее коренной провинции — Восточной Пруссии.

Первая особенность пограничной линии состояла в том, что она нигде не совпадала с естественными преградами. Реки Неман и Висла, которые могли бы служить таковыми, пересекались границей, попадая устьями в море Германии, а Карпатский хребет составлял ближайший тыл австрийской

пограничной полосы. Вторая особенность заключалась в том, что русская граница вдавалась большим четырехугольником с основанием около 360 км и высотой около 400 км в территорию враждебных России стран, что неминуемо должно было оказать большое влияние как на подготовку театра войны, так и на первоначальный ход операций.

По общему географическому облику театр вполне пригоден для широких маневренных операций. Равнинный, отчасти холмистый, отчасти лесисто-болотистый характер его обуславливает в виде холмов, лесисто-болотистых и озерных участков элементы только тактического значения, за исключением некоторых районов, которые имеют и стратегическое значение.

К таковым принадлежат: 1) озерный район в Восточной Пруссии, известный под названием Мазурских озер; 2) лесисто-болотистый участок в восточной части театра, обнимающий бассейн р. Припяти, под названием Полесья и 3) на юге театра горный Карпатский хребет, который представлял естественную значительную преграду для русского наступления в Венгрию, но, с другой стороны, стеснял маневрирование австро-венгерской армии. Кроме обильных лесисто-болотистых участков, театр изобилует реками, текущими в большинстве в меридиональном направлении и представляющими естественные преграды для действий враждующих сторон. Впрочем, оборонительными линиями, имеющими стратегическое значение, являлись только рр. Висла, отчасти Буго-Нарев и Неман от устья до Гродно, все же остальные реки имели значение только как рубежи и тактические преграды.

Рассматриваемый театр может быть разделен на 4 района, имевшие разное оперативное значение:

1. *Центральный, или Привислинский*, — образующий дугу, глубоко вдающуюся у Торна, Калиша и Кракова в пределы Германии и Австрии с основанием, идущим примерно по рр. Бобру и Западному Бугу.

2. *Северный* — между Балтийским морем и северной границей Полесья.

3. *Южный* — между южной границей Полесья и Карпатами.

4. *Полесье* — в виде разъединяющего северный и южный районы пространства.

Развитие *рельсовой сети* не только на театре войны, но и на всей территории воюющих стран, входит такой большой удельной величиной в оперативную работу армий, что на этом вопросе приходится остановиться более внимательно.

Обширность территории России, недостаток денежных средств, слабое экономическое развитие и неустойчивость железнодорожной политики были естественными причинами недостаточного и неравномерного роста русской рельсовой сети. Россия поражала своей отсталостью в количестве железных дорог, что отодвигало ее далеко назад в отношении Западной Европы.

Коэффициент обслуженности сетью был в 18,2 раза меньше, чем Франции, Англии и Германии, даже только для Европейской России, без обширных пространств Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. Русскую сеть в указанных выше пределах необходимо было увеличить в 4,5 раза для того, чтобы сравняться с Германией, и в 3,5 раза, чтобы сравняться с Австро-Венгрией.

Подобные условия накладывали сильный отпечаток не только на роль России в мировой войне, но и на условия ведения операций в различные ее периоды.

В то время как Германия и отчасти Австро-Венгрия имели в своей широко развитой и богато оборудованной сети железных дорог не только могущественный фактор в отношении мобилизации, сосредоточения и питания массовых армий, но и в отношении быстрых перебросок их как с фронта на фронт, так и в районе одной операции, — Россия от своей мало развитой и бедно оборудованной сети получала в этом отношении далеко не полное подспорье.

Все внимание русского Генерального штаба в отношении железных дорог было направлено к тому, чтобы скорее сосредоточить и развернуть армии в начале войны, и отчасти к удовлетворению хоть некоторой возможности перекидывать их с северной стороны Полесья на юг или обратно. Для оперативного использования во время ведения операций рельсовая сеть была почти не подготовлена. Некоторую возможность в этом отношении представлял только участок между Вислой, Наревом и линией Ивангород — Люблин — Ковель, имевший достаточно развитую сеть для использования ее в оперативном отношении. Другим таким участком являлся район Вильны. Русская железнодорожная сеть совершенно не была подготовлена к наступательным операциям и не могла одновременно выдержать тяжесть оперативных перевозок и питания армий; она была более развита для борьбы на германском фронте, чем на австрийском.

Таким образом, обе стороны вели маневренный период войны в совершенно разных условиях помощи со стороны

железных дорог, которые поставили противников в далеко не равные условия, — в руках немцев находились богатейшие средства инженерной техники, далеко превосходившие средства противной стороны.

В отношении *инженерной подготовки театра* приходится отдельно рассматривать территории каждого из враждовавших государств.

Россия. Мнение о том, что Россия вступила в мировую войну почти без инженерной подготовки театра предстоящей борьбы, не будет слишком преувеличено. Так, незадолго до войны разрушили систему инженерной подготовки, проводившейся в жизнь свыше 30 лет, и не успели дать ничего нового. Существовавшая система крепостей исходила из идеи, данной Милютиним в 1873 г., и находилась в полной зависимости от предполагавшегося стратегического развертывания и намеченных планов войны.

Идея стратегического развертывания в течение свыше 30 лет сводилась к использованию выгодных свойств Привислинского района и сосредоточению в нем по обоим берегам р. Вислы главной массы сил под прикрытием содержащейся на западной границе большей части армии мирного времени и соответствующего усиления района развертывания крепостями. В отношении планов действий существовало определенное решение — первоначально обороняться против Германии и энергично наступать против Австро-Венгрии.

В зависимости от этих отправных данных система инженерной подготовки Западного театра сводилась к следующему.

В центре образовался Привислинский укрепленный район. Основой его служили три крепости на р. Висле, а именно: Новогеоргиевск при слиянии рр. Вислы и Буго-Нарева, Варшава — в центре и Ивангород — при слиянии рр. Вислы и Вепржа. Эти крепости с мостами через р. Вислу и с укрепленной перед ними позицией давали, во-первых, свободу маневрирования на обоих берегах рр. Вислы, Буго-Нарева и Вепржа, во-вторых, служили хорошим плацдармом для наступательных операций войск на левом берегу р. Вислы, в-третьих, были серьезной преградой для форсирования р. Вислы противником.

Вслед за обеспечением фронта начали обеспечивать фланги Привислинского района. Наибольшее значение придавалось северному флангу как ввиду оборонительной задачи по отношению к Германии, так и ввиду необходимости обеспечить

Петербург-Варшавскую ж. д., проходившую близко от германской границы. Для этого воспользовались оборонительной линией рр. Бобра и Буго-Нарева. Левый фланг этой линии обеспечивался крепостью Новогеоргиевск, у слияния рр. Буга и Нарева, небольшой крепостью Зегрж и правый фланг на р. Бобр — большой крепостью Осовец. Кроме того, впоследствии для обеспечения переправ через р. Нарев были укреплены Ломжа, Остроленка, Рожан, Пултуск. Таким образом, водная и болотистая преграда рр. Бобра, Буга и Нарева обращалась для немцев в трудно доступное препятствие, не стеснявшая свободы маневрирования по обоим ее берегам русских войск. На усиление южного фланга Привислинского района было обращено мало внимания. Предполагавшееся укрепление Ровно-Дубенского узла осталось за недостатком средств в проекте, и здесь все ограничилось только обеспечением флангов: Ивангородом на р. Висле и крепостью Брест-Литовск на р. Буге. Оборонительная линия р. Немана прикрывалась только одной первоклассной крепостью Ковно и устарелыми укреплениями у Олиты и не законченной к 1914 г. крепостью Гродно.

Крайние фланги Северо-западного фронта обеспечивались морскими крепостями: на севере — Либавой, Усть-Двинском и Кронштадтом и на юге — Севастополем и Очаковым.

Если к этому прибавить старые тыловые крепости-склады Двинск и Киев, то этим и ограничивалась вся система укреплений русского Западного театра. Надо сознаться, что к 1909 г. почти все названные крепости пришли в архаическое состояние, совершенно отстали от современных требований в отношении как артиллерийского вооружения, так и фортификационных сооружений.

В 1910 г. в России одновременно с коренной реорганизацией армии, переменой ее дислокации и отнесением линии ее стратегического развертывания назад на фронт р. Неман, Брест-Литовск, Ровно и Проскуров было решено уничтожить и все выдвинутые на рр. Вислу и Буго-Нарев крепости. На Западном театре оставались только Ковно, Осовец и Брест-Литовск и вновь сооружалась крепость в Гродно.

Но вслед за тем начались новые колебания, и вполне соответствовавшая идее установленного развертывания армий система 4 крепостей скоро была изменена сохранением Новогеоргиевска, одиноко выдвинутого от линии развертывания вперед километров на 200, и временным сохранением укреплений Ломжи. Из числа приморских крепостей были сохра-

нены Усть-Двинск на Балтийском море и Очаков и Севастополь на Черном. От Либавы и даже Балтийского порта как оперативных баз нашего флота пришлось отказаться ввиду гибели русского флота у Цусимы в 1905 г. и отнести морскую оборону на линию Ревель — Порккалауд со Свееборгом как базой для миноносцев и подводных лодок (5).

Таким образом, с 1910 г. в России начали разрушаться и разоружаться старые крепости и медленно составляться проекты для усовершенствования оставленных и для постройки новых. До чего медленно шла эта работа, явствует из того, что только летом 1912 г. были закончены проекты переустройства Ковенской и Усть-Двинской крепостей и постройки Гродненской крепости.

Германия. За последнее десятилетие перед войной центром тяжести инженерной подготовки на русской границе являлась Восточная Пруссия. Здесь опорой полевой армии при наступлении служили крепости Торн, Данциг и Кенигсберг и ряд укреплений по р. Висле, благодаря которым эта река перестала быть препятствием для германцев и стала весьма трудно одолимой преградой для русских. Для обеспечения же спокойного развертывания армий от наступления русских была сооружена передовая оборонительная линия вдоль Мазурских озер, которая в то же время служила отличным плацдармом для наступлений в русские пределы как на восток, так и на юг. Ближайшие пути от Варшавы на Берлин прикрывались крепостями на рр. Одере и Варте, из которых на ход операций отчасти имели влияние крепости Бреславль и Познань.

Австро-Венгрия. Это государство подготавливало развертывание своих армий против России в Галиции впереди Карпат. Для обеспечения района развертывания с запада и для преграждения прямого пути на Вену служила крепость Краков. Для опоры наступлению главных сил и свободы их маневрирования, а также для прикрытия лучших проходов через Карпаты существовала крепость Перемышль с отдельными укреплениями по р. Сану. Наконец для обеспечения правого фланга развертывания линия р. Днестра была усилена рядом отдельных укреплений (Галич, Николаев, Залещики и др.). Следует упомянуть еще о временных укреплениях Львова, чем и кончается крепостная подготовка Австрии на русском фронте.

В итоге инженерная подготовка сильно различалась в трех сопредельных государствах. В России этот вопрос находился

в периоде перестройки всего плана подготовки. Она отказалась от милютинской системы, которая обеспечивала выдвижаемое вперед стратегическое развертывание, служила хорошей базой при переходе армий в наступление и соответствовала активному характеру войны. Новая система своими тремя северными крепостями (Ковно, Гродно и Осовец) фактически усиливала только оборонительную линию р. Немана, оставляя для опоры против австрийского фронта только одну крепость Брест-Литовск. В ряде крепостей имелась хорошая база также исключительно для наступления в Восточную Пруссию со стороны р. Немана. На всем остальном пространстве инженерной подготовки фактически не существовало, так как Брест-Литовск оказывал влияние только после занятия противником всего Привислинского района.

В несколько оригинальном положении оказалась крепость Новогеоргиевск, предназначенная первоначально к уничтожению, а потом сохраненная. Выдвинутая, как указывалось выше, от предполагаемой в 1910 г. линии развертывания армий, она могла бы сыграть плачевную роль Порт-Артура, если бы русское стратегическое развертывание в 1914 г. вновь не было выдвинуто вперед.

При такой комбинации Новогеоргиевск служил опорой левого фланга фронта по р. Буго-Нареву и единственной русской крепостью на р. Висле.

Инженерная подготовка в Австро-Венгрии фактически сводилась к двум крепостям, прикрывающим карпатские проходы и находившимся в тылу предполагаемого развертывания австрийских армий в Галиции. Роль этих крепостей ограничивалась исключительно уменьшением последствий неудачной для австрийцев битвы в Галиции и прикрытием внутренних их областей от русского нашествия.

Что касается Германии, то она использовала особенности территории Восточной Пруссии и приспособила ее не только к обороне незначительными силами, но и как базу для развития наступательных операций.

ПЛАНЫ ОПЕРАЦИЙ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ (ФРАНЦУЗСКОМ) ТЕАТРЕ

Антанта

(Схема 5)

Как отмечено выше, основным стержнем плана войны для Антанты служила военная конвенция между Россией и Фран-

цией 1892 г. с последующими дополнениями, вносимыми на совещаниях начальников обоих генеральных штабов. Наиболее существенные изменения были сделаны по инициативе Жоффра в протоколах последних совещаний, происходивших в 1912 и 1913 гг.

Еще в 1911 г. предшественник Жоффра генерал Дюбайль заявил, что он будет считать себя вполне удовлетворенным в случае, если русское наступление против Германии будет выполнено с такими силами, которые прикуют от 5 до 6 германских корпусов на восточной (русской) границе. Жоффр на совещаниях 1912 и 1913 гг. высказывался о желательности, при сосредоточении германцев в Восточной Пруссии, занятия русскими войсками исходного положения, допускавшего развитие решительного наступления с юга на Алленштейн. Если же германцы развернули бы свои силы в районе Торн — Познань, то русским следовало бы развернуть свои силы против Германии на левом берегу р. Вислы, в пределах Польши, для наступления по прямому направлению на Берлин.

За основание при разработке плана войны принято было считать наиболее вероятным направление главного удара Германии сначала на запад — по Франции; решительные действия против России являлись при этом последующим актом германцев после разгрома французских сил. Зависимость русского правительства от французского капитала диктовала подчинение и русского Генерального штаба французскому. Поэтому Дюбайль и Жоффр позволяли себе откровенно внушать Жилинскому желательный для них план операций русских вооруженных сил. По существу выходило, что на совещаниях французы предъявляли свои требования, а русский представитель выяснял возможность и способы их удовлетворения. Сами же французы не открывали карт относительно своего плана операций. На совещаниях никогда не ставился вопрос о наиболее выгодном способе встречи французами германского удара. Жоффр ревниво оберегал от обсуждения свою идею французского контрудара с фронта Бельфор — Лонги. Этим маневром, как известно, Жоффр предполагал не только парировать вторжение германцев, но и взять инициативу исходных операций в свои руки.

Взамен этого план русского наступления с началом войны всегда занимал центральное место на совещаниях и привлекал наибольшее внимание французского Генерального штаба. Французам не нравилась мысль о нанесении русскими ар-

миями решительного удара по австрийцам, что требовало сосредоточения главной массы русских сил на русском Юго-западном фронте. Французы настойчиво указывали, что победа над главным противником — Германией — сразу же закончит борьбу с Австро-Венгрией.

В итоге перед войной не существовало конкретного общего плана операций коалиции, несмотря на близкие отношения между французским и русским генеральными штабами. Эти отношения навязывали серьезные обязательства русским и внушили их стратегическому творчеству предвзятость при разработке своего плана операций. «Военная тайна», которая должна была окружать взаимные военные обязательства Франции и России, безнаказанно допускала со стороны русского представителя уступчивость, оказавшуюся с возникновением войны вредной для русских интересов.

О военном участии в будущей войне третьего члена Антанты — Великобритании, как уже отмечено выше, не имелось никаких письменных документов. Об этом свидетельствует первый том истории войны, издаваемый французским Генеральным штабом. Англия не желала брать на себя письменных обязательств. Когда в марте 1912 г. Френч был назначен начальником английского Генерального штаба, им были предприняты некоторые шаги к обеспечению в случае войны перевозок английских экспедиционных сил на континент, а его помощник Анри Вильсон не раз навещал французский Генеральный штаб и бывал в районе будущего развертывания союзных армий для изучения стратегической обстановки.

Английский Генеральный штаб разрабатывал в общих чертах разные варианты участия английских войск на Европейском материке и в связи с этим их высадки на французском побережье — на участке Кале — Дюнкерк или на бельгийском берегу — в Зеебрюге и Остенде; поднимался даже вопрос о высадке в Антверпене. Но все эти работы можно считать только черновыми набросками английского командования, которым недоставало самого главного — политического оформления со стороны правительства. Последнее не связывало себя до начала войны никакими внешними обязательствами.

Франция. План операций французских вооруженных сил, подобно германскому, последовательно, в течение 40 с лишним лет, разрабатывался Генеральным штабом, но, задуманный тотчас после разгрома 1870—1871 гг., этот план в процессе своей эволюции не мог освободиться от влияния гер-

манского превосходства и не отличался такой ясной целеустановкой, как германский. За указанный срок сменилось 17 планов развертывания французской армии. Однако, последний план, № 17, не давал четкого представления о том, что предпримет французский главнокомандующий по окончании стратегического развертывания.

В первые годы после войны 1870—1871 гг. вследствие слабости французской армии ее развертывание происходило под прикрытием линии крепостей на восточной границе Франции с целью дальнейших действий в зависимости от операций германских войск. Однако, и позже, когда оборона Франции окрепла, ее военная организация приобрела устойчивость и быстро стали накапливаться живые и материальные средства борьбы, — руководящая идея первых операций всегда сводилась к их подчинению германской инициативе. Эта идея клонилась к тому, чтобы французское развертывание одинаково было пригодно для наступательных и оборонительных действий. В предпоследнем плане — № 16 — прямо указывалось, что развертывание должно удовлетворять двум условиям: обеспечивать выполнимость исходного маневра армий и быть в состоянии противодействовать возможным неожиданностям в ходе событий¹. Это все та же идея «наступательной обороны», которая красной нитью пронизывала оперативные планы французского Генерального штаба (6).

План № 17 разрабатывался в течение трех последних лет перед войной оперативным бюро французского Генерального штаба, начальником которого был генерал Жоффр. План был окончательно принят 15 апреля 1914 г. По собственному выражению Жоффра, планом операций является основная идея, которая вынашивается в голове главнокомандующего, но не запечатлевается письменно. Результатом же этого замысла служит план сосредоточения вооруженных сил. Впервые вышший командный состав узнал о задачах армий из директивы № 1, сообщенной Жоффром командующим армиями 8 августа, уже после объявления войны. Эта директива указывала на намерение главнокомандующего после сосредоточения всех сил атаковать германские армии, причем атаку развивать в двух главных направлениях: одну — на восток из района южнее крепости Туль, между лесистыми массивами Богезов

¹ Официальный труд французского генерального штаба «Les Armées Françaises dans la grande guerre», т. I.

и р. Мозель, другую — на северо-восток из района к северу от линии Верден — Мец. Обе эти атаки должны были быть тесно связаны силами, действующими на Маасских высотах и на Баврском плато.

Соответственно этой задаче правое крыло в составе 1-й и 2-й армий сосредоточивалось между Тулем и Бельфором, причем главные силы 1-й армии — в районе Эпиналя, а 2-й армии — в районе Нанси. Обе эти армии должны были первоначально действовать между рр. Рейном и Мозелем южнее Туля и по течению р. Мозеля. Левое крыло из 5-й армии и отдельного кавалерийского корпуса сосредоточивалось на линии Вузье — Гирсон. Для связи операций обоих крыльев служила 3-я армия, главные силы которой сосредоточивались у Вердена. 4-я армия временно располагалась во второй линии, в районе С.-Дизье — Бар-ле-Дюк, в готовности двинуться к югу или к северу от 3-й армии. Эта армия являлась оперативным резервом для армий первой линии. На случай движения германцев через южную Бельгию имелся «вариант к плану № 17», по которому 5-я армия выдвигалась на линию р. Мааса, на участок Музон — Мезьер, а 4-я армия — к С.-Менеульд на Верхнем Эне, в 40 км западнее Вердена, для заполнения промежутка между 5-й и 3-й армиями. Этот вариант не предусматривал возможности германского маневра через северную Бельгию. Сверх означенных армий в распоряжении главнокомандующего были 2 фланговые группы, каждая в составе 3 резервных дивизий: одна — уступом за правым флангом, у Везуль, другая — уступом за левым флангом, в районе Гирсон — Вервен. Кроме того, главнокомандующий мог рассчитывать на африканские войска по мере их прибытия во Францию (XIX корпус из Алжира и 1½ дивизии из Марокко) и на 12 резервных дивизий, сформировавшихся внутри Франции и частью предназначавшихся в гарнизоны крепостей.

В общем французы разворачивались на фронте в 350 км от швейцарской границы, у Монбельяра, до бельгийской границы, у Гирсона на р. Уазе. По заложенной в план идее их развертывание представлялось неясным (7). Оно намечало нанесение контрудара в лоб по противнику на германско-французской границе и не таило в себе возможности какого-либо маневра. Это был план развертывания, ориентированный, главным образом, на восток, *но не на северо-восток* — против германского обхода через всю Бельгию. Исходя из неправиль-

ной предпосылки, что главная масса германских сил будет стремиться вторгнуться во Францию через Люксембург и южную Бельгию, Жоффр до некоторой степени массировал свои силы для удара правым крылом между Вогезами и р. Мозелем. Когда до войны ему указывали на вероятность германского главного удара через всю Бельгию, севернее и западнее р. Мааса, он возражал, что у германцев нехватит для этого сил; он не учитывал дублирования ими полевых корпусов резервными. А если такой глубокий обход тем не менее был бы предпринят германцами, то Жоффр считал, что таковой облегчит прорыв германского центра. Большим недостатком французского плана являлось и неиспользование сразу крупных резервных формирований, подсказанное недоверием к их боевой прочности, вследствие чего к началу операций резервные войска, не сведенные в корпуса, оставались на флангах и в тылу — частью для второстепенных задач, а частью для завершения боевой подготовки. Первая операция французов — Пограничное сражение — обнаружила полную несостоятельность плана, разработанного Жоффром в мирное время, и только успех Марнской операции замаскировал слабость замысла и предвзятость плана № 17.

Англия. Участие Англии в коалиции против Германии началось подготовки к моменту возникновения «сердечного согласия» между Англией и Францией в 1904 г.; но всегда очень осторожная в связывании себя конкретными обязательствами Англия не торопилась с выработкой плана операций своей сухопутной армии, которая в большой войне на европейском материке вначале могла играть только подсобную роль. Переговоры об операциях английской армии совместно с бельгийской, начатые в 1906 г., не привели к конкретным решениям, но позже, начиная с 1911 г., было выработано условное соглашение между английским и французским генеральными штабами о занятии английской экспедиционной армией во Франции района Мобеж — Ле-Като — Гирсон. Начальник английского Генерального штаба генерал Вильсон предпринимал неоднократные поездки для изучения будущего театра операций английской армии; эту работу надо отнести скорее к его личной инициативе специалиста. Не встречая энергичной поддержки в правительстве, английский Генеральный штаб не мог закрепить общей наметки сосредоточения английской армии на левом фланге французского развертывания точными расчетами перевозок и сроков их оконча-

ния на материке. Жоффр включил в план № 17 предположения о прибытии английской армии под названием «армейской группы W» в указанный выше район, но по всем признакам разрешение вопросов о совместных действиях обеих армий не было уложено в точные рамки, и потому только с прибытием английских войск на левый фланг французских армий и после первых боевых неудач англичан стало постепенно оформляться участие английской армии в операциях на Западноевропейском фронте.

Бельгия. Согласно системе укреплений, бельгийская полевая армия должна была в случае войны оборонять линию р. Мааса между голландской границей и Намюром, опираясь на укрепления Льежа и Намюра и войдя в связь своим правым флангом с французской армией. Но если бельгийцам не удалось бы удержаться на р. Маасе до прихода к ним союзников, то, предоставив оборону своих маасских крепостей их гарнизонам, полевые войска должны были отходить на линию Диест — Тирлемон — Намюр, прикрывая пути к Брюсселю и к Антверпену. В крайнем случае бельгийская армия должна была укрыться в Антверпене, откуда угрожать правому флангу или тылу германских войск, наступающих через Бельгию. Бельгийский план операций был проникнут внутренней Бриальмоном идеей крепостной обороны Бельгии. Было бы гораздо целесообразнее для бельгийской армии предусмотреть отступление не к Антверпену, а на присоединение к англо-французским армиям в качестве стратегического арьергарда последних. Повидимому, политические соображения бельгийского правительства клонились к тому, чтобы зараннее не связывать окончательно судьбу страны с Антантой.

Центральные державы

(Схемы 5 и 6)

План Мольтке старшего

План операций, согласно учению Мольтке старшего, должен представлять подробно разработанное стратегическое развертывание армий в пограничных районах, дающее исходный рубеж для намеченных первоначальных действий, за пределами которых в плане ставится лишь руководящая мысль для дальнейшего хода войны. Детали же последнего являются только личными взглядами составителя плана операций. Тот же Мольтке учил, что на плохо составленном плане развер-

тывания армий нельзя построить победоносной кампании, и этот взгляд был твердо усвоен преемниками Мольтке, которые отдавали долгие годы своей деятельности на углубленную разработку стратегического развертывания своих армий в духе определенной основной идеи.

Как было уже сказано, разработанного единого плана операций для обеих союзных армий не было. Германский Генеральный штаб всегда скептически относился к австро-венгерской армии и имел в виду использовать ее, главным образом, для задержания русских сил, пока германцам придется наносить удар по французам. Австрийская армия рассматривалась всегда как «слабейший товарищ», и таким удельным весом в союзе определялось ее стратегическое значение. В зависимости от изменений в распределении германских войск между Западным и Восточным фронтами менялась и роль австрийских сил. В период действия плана Шлиффена на австрийцев ложилась главная тяжесть борьбы с русскими армиями до переброски германских сил на восток. В отношении подробностей оперативных предположений Генеральный штаб Дунайской монархии оставался вполне самостоятельным.

Не существовало также военной конвенции между Германией и Италией, но устные и письменные переговоры о военном сотрудничестве Италии с Германией и Австро-Венгрией, на основании заключенного в 1882 г. договора о Тройственном союзе, были начаты в 1888 г. и продолжались вплоть до самой войны. Была заключена военно-железнодорожная конвенция о перевозке через Австро-Венгрию в Южную Германию на Верхний Рейн 2 итальянских кавалерийских дивизий, первые эшелоны которых должны были выгружаться в Страсбурге на 5-й и 6-й день германской мобилизации. За ними должны были следовать 3 итальянских полевых корпуса, головы которых перевозились через итальянскую границу на 15-й день для направления в районы Страсбурга и Фрейбурга. Но 3 августа 1914 г. итальянское правительство официально объявило о своем нейтралитете, и все военные обязательства Италии к Германии и Австро-Венгрии были аннулированы¹.

Германский план операций на всем 44-летнем протяжении, от момента своего возникновения и до осуществления, развивался с точки зрения ведения войны для Германии на два

¹ В первоначальных предположениях, когда центральные державы рассчитывали на активное выступление на своей стороне Италии, Гер-

фронта. Эта предпосылка устанавливала ведение операций по «внутренним операционным линиям». Вместе с тем численность сил противников всегда была не в пользу Германии. Отсюда для нее очевидна была необходимость быстрых и решительных действий против одного из своих противников, чтобы, разделившись с ним, броситься с главной массой сил на другого.

На этой стратегической основе для Германии возникло два варианта главного удара — на запад или на восток. Много лет в германском Генеральном штабе велась параллельная разработка сосредоточения на оба случая, но она была отменена в 1913 г. ввиду загрузки железнодорожных органов обилием мобилизационных материалов, угрожавшим путаницей при объявлении войны.

В зависимости от направления главного удара разработку плана операций можно разделить на три периода.

Первый период (1871—1879 гг.) тотчас после войн за объединение Германии под главенством Пруссии был моментом бесспорной военной гегемонии Германии в Европе, и Мольтке считал вначале возможным вести одновременно наступательную войну на обоих фронтах. Быстрое восстановление Франции и медленность русской мобилизации, выяснившаяся в войну 1877 г., побудили Мольтке к концу означенного периода склониться к нанесению главного удара по Франции, чтобы быстро покончить с ее возрождающейся мощью, и уже затем, в расчете на содействие Австро-Венгрии, броситься против России. В октябре 1879 г. последовало заключение союзного австро-германского дотова, и оно вызвало у Мольтке пересмотр намеченного решения.

Наступил *второй период* (1879—1892 гг.), когда постепенно принимался план нанесения первоначально главного удара против России. Расчет на союз с Австро-Венгрией, в который с 1882 г. вошла и Италия, наличие в мирное время крупных русских сил на обоих берегах р. Вислы и сведения о русском плане стремительного вторжения в Австро-Венгрию привели Мольтке к решению направить, в случае войны на два фронта, половину германских сил вместе с австрийскими

мания должна была содействовать первоначальному наступлению австро-венгерцев наступлением 7 из своих 11 дивизий из Восточной Пруссии на Седлец и 4 дивизий на Сандомир — Ивангород. Но нейтралитет Италии заставил Германию уменьшить силы на своем Восточном фронте. *Конрад*, т. IV, 1923.

на восток, чтобы одновременным маневром из Восточной Пруссии и Галиции быстро покончить с русской армией. Другая половина германских сил должна была вести оборонительные операции против Франции на пограничном фронте в 270 км, между Бельгией и Швейцарией, опираясь на крепости Мец и Страсбург. Союз с Италией, а также расчет с 1883 г. на присоединение к союзу Румынии обеспечивали для Австро-Венгрии возможность выставить все свои силы против России, что укрепляло германский Генеральный штаб в мысли о быстром достижении конечного успеха в борьбе с русской армией.

В это время Германия еще не была вполне промышленной страной; не учитывалась потребность в огромных боевых припасах; крупшовские заводы в Эссене находились далеко от границы и им непосредственно опасность не угрожала; перерыва в подвозе сырья из нейтральных государств ожидать было нельзя, так как о борьбе с Англией в этот период не могло быть еще и речи. Все это подтверждало правильность принятого Мольтке решения, которое оставалось в силе и при преемнике Мольтке — Вальдерзее, сменившем первого в 1888 г., и также в первые годы возглавления германского Генерального штаба Шлиффеном, от 1891 до 1894 г. Однако, с 1892 г. у Шлиффена стало закрадываться сомнение в соответствии принятого плана операции с изменившимся политическим положением. Уже Вальдерзее считал необходимым внести поправку в оборону на французской границе, придав операциям возможно более активный характер и не упуская использования случаев *частного* перехода в наступление. Шлиффен же немедленно реагировал на заключение франко-русской конвенции и на военное усиление России в связи с постройкой новых железных дорог и изменившимися условиями ее мобилизации и сосредоточения. Не укрылся от него также все возрастающий рост французской экономической и военной мощи и параллельно усиление чувства реванша в правящих группах французской нации.

П л а н Ш л и ф ф е н а

Наступил *третий период* составления германского плана операций, начавшийся в 1892 г. и протянувшийся до самой войны, когда основной идеей операций неизменно проводилось *массирование возможно больших сил на француз-*

ском фронте с целью быстрого уничтожения французских армий и выставление первоначально против России только необходимых для совместного участия с австрийцами войск.

В свою очередь в течение означенных 20 с лишком лет указанная идея главного удара по французам постепенно оформлялась в различные варианты плана операций, в которых можно отметить три последовательных этапа.

Исходя из численного превосходства французов сравнительно с теми германскими силами, которые могут быть выставлены на западе, Шлиффен намечал единственный путь, чтобы избежать фронтального столкновения с противником на укрепленной франко-германской границе, а именно: выполнить охватывающий маневр и заменить недостающее общее превосходство сил численным преобладанием на флангах с выдвижением слабых сил на фронте. В плане 1894 г. у Шлиффена была мысль об охвате обоими флангами за счет ослабленного центра, но сама операция представлялась пока в виде фронтального удара. Здесь была уже заложена идея сражения при Каннах с робкой пока попыткой осуществить ее в оперативном масштабе.

Продолжавшееся укрепление французской восточной границы и быстрое увеличение, под напором союза с Францией, русских вооружений толкали Шлиффена к изысканию более стремительного решения на Западном фронте. В поисках этого решения возникает мысль об обходе правым крылом севернее Вердена, где кончается воздвигнутая французами укрепленная линия. Но между Верденом и бельгийской границей тянулось всего пять дорог, и недостаточная ширина полосы вынудила Шлиффена выбрать направление обхода через Люксембург и южную Бельгию, что окончательно было проведено в плане 1898 г. Это был первый этап в плане нанесения главного удара по французам.

Вторым этапом того же плана надо считать окончательное оформление Шлиффеном идеи обхода французского фронта германским правым крылом. Оно было выражено в его записке в декабре 1905 г., и эта записка явилась программой для дальнейшего строительства германских вооруженных сил и для плана их мобилизации и развертывания при войне на два фронта вплоть до 1914 г., так как именно этот шлиффеновский план в измененном позже виде и явился планом операций для войны 1914 г.

Последний вариант плана Шлиффена для французского фронта. Воздвигнутая французами укрепленная линия Верден — Туль — Эпиналь — Бельфор на протяжении 200 км заставила Шлиффена искать оперативного решения в обходе ее с севера через Бельгию.

Главная масса германских сил в составе 23 полевых и 12½ резервных корпусов и 8 кав. дивизий с исходной линии развертывания Крефельд — Мец должна была выйти на линию Дюнкерк — Верден. Южнее этой обходной массы для обеспечения левого фланга в Лотарингии, кроме гарнизонов Меца и Страсбурга, развертывалось 3½ полевых и 1½ резервных корпуса и 3 кав. дивизии. Левее (южнее) их на верхнем Рейне 3½ ландверные бригады и в верхнем Эльзасе 1 ландверная бригада. Опорным пунктом для прикрытия левого фланга обходной маневренной массы должна была служить крепость Мец, которая была значительно расширена вновь проектированными сооружениями, снабжена крупным гарнизоном и большим количеством тяжелой артиллерии.

Обходная масса наступала тремя большими группами, из которых важнейшее оперативное значение приобретала правого-фланговая группа. Она состояла из 8 армейских корпусов и 5 кав. дивизий и наступала уступами в направлении на фронт Брюссель — Намюр. Девятый корпус должен был позже примкнуть к левому флангу этой группы после ее перехода через р. Маас. Маневр группы надлежало вести форсированным маршем, чтобы пройти между Антверпеном и Намюром раньше столкновения с французской армией для возможности развертывания всей массы на «поле сражения» из глубины без помехи со стороны названных крепостей. За корпусами правой группы уступом справа наступали 7 резервных корпусов, которые предназначались для обложения Антверпена и для обеспечения вообще маневра справа, со стороны англичан и бельгийцев. С той же целью предполагалась также переброска еще 2 полевых корпусов по железной дороге из Лотарингии.

Средняя группа обходной массы состояла из 6 полевых корпусов и 1 резервной дивизии за правым флангом группы и направлялась на участок р. Маас — Намюр — Мезьер. Южная группа из 8 полевых корпусов и 2 кавалерийских дивизий — на участок р. Маас — Мезьер — Верден. 5 резервных корпусов, опираясь на крепость Мец, прикрывали левый фланг германского маневра со стороны французов, которые могли угро-

жать с линии Туль — Верден. Сзади, за средней и южной группами, по обоим берегам р. Мааса следовали 10 и 6 ландверных бригад.

Как только средняя группа переправится через р. Маас, на левом берегу в общем развернется 15—17 полевых корпусов, которые будут стремиться обойти левый фланг французского развертывания. Когда германцам удастся проникнуть через линию бельгийских и северных французских крепостей и преодолеть Арденны, положение германцев, по мнению Шлиффена, станет выгоднее положения французов, если последние перейдут в контрнаступление. Если французы, отказавшись от контрудара, будут искать решения в обороне, то они займут расположение позади р. Соммы или даже, может быть, позади р. Уазы, примкнув правый фланг к Ля-Фер, а левый уперев в Парижский укрепленный лагерь. В таком случае германские армии будут атаковать на всем фронте.

Окончательный удар Шлиффен соединял с обходом Парижа западнее и южнее. «Необходимо обязательно стремиться ударом в левый фланг французов оттеснить их в восточном направлении на их крепости на р. Мозель, за горный хребет Юры, к границе Швейцарии, где французская армия должна быть окончательно уничтожена. Самое существенное условие для достижения германцами такого результата операций заключается в образовании сильного правого крыла, посредством которого германцы должны были наносить французам удары и непрерывным преследованием (тем же мощным крылом) все время их добивать»¹.

Шлиффен правильно рассчитывал, что требуемое им массирование главных германских сил на правом крыле достигалось только за счет левого фланга всего германского развертывания на французском фронте. Этому флангу в составе 3 полевых и 1 резервного корпусов и 3 кав. дивизий предстояло выдержать борьбу с превосходными силами французов, которые нужно было притянуть на себя в возможно большем количестве посредством энергичного наступления на Нанси и при поддержке со стороны крепости Мец. Задача левого германского крыла сводилась к настойчивому стремлению возможно меньшими германскими силами сковать здесь возможно крупнейшие французские силы. Только тогда можно было спокойно рассчитывать на успешное выполнение правым

¹ «Der Weltkrieg 1914 bis 1918», Reichsarchiv, I, стр. 53.

крылом своей трудной задачи, если в решительном сражении там, на левом берегу р. Мозеля, примут участие 25 германских полевых корпусов.

План Мольтке младшего

Шлиффен ушел в отставку в 1906 г., за 8 лет до начала войны; его преемником был Мольтке младший, племянник фельдмаршала Мольтке. В течение этих лет германский план операций, сохранив основную идею плана Шлиффена, подвергся ряду изменений (8).

Мольтке после русско-японской войны признал необходимым учесть быстрое восстановление русских сил и ускорение их мобилизации. Поэтому в Восточной Пруссии Мольтке развертывал 3 полевых корпуса и 1 резервный. На французском фронте, опасаясь наступления французов, он постепенно стал усиливать левое крыло германского развертывания, и к началу 1914 г. оно состояло уже из двух групп: 6-й армии в составе 4 полевых и 1 резервного корпусов и 7-й армии в составе 2 полевых и 1 резервного корпусов, а всего — из 8 корпусов.

Главные силы германцев, по плану Мольтке накануне войны, должны были вторгнуться во Францию через нейтральные Бельгию и Люксембург. Их наступление должно было выполняться в виде захождения правым крылом и центром вокруг неподвижной оси, которую образуют Диденгофен — Мец. Движение армий центра и левого крыла должно было регулироваться так, чтобы сохранена была связь между соседними армиями и не произошло отрыва левого фланга центра и заходящего крыла (главных сил на этом фронте) от Диденгофена — Меца. Обеспечение левого фланга должны были выполнить наряду с крепостями Диденгофен и Мец и войска, наступавшие юго-восточнее Меца.

ПЛАНЫ ОПЕРАЦИЙ НА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ (РУССКОМ) ТЕАТРЕ

(Схема 6)

Центральные державы

Германия

На Восточном фронте против России со времени принятия в 1905 г. шлиффеновского плана задача германских войск носила характер стратегической обороны. Сосредоточиваемые